

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Проблема истины в социальной философии – это по сути проблема общественного сознания: *способно ли общественное сознание в целом адекватно отразить объективную социальную реальность, и если способно, то – как и в каких формах это происходит?*

До последнего времени, а именно – до начала проекта постмодерна, ни у кого не вызывал сомнения положительный ответ на этот вопрос: да, общественное сознание способно адекватно отражать социальную реальность и делает это постоянно в известных своих формах: **мораль, право, религия, наука, философия, художественное сознание (искусство), политическое сознание.** Все эти формы общественного сознания, существующие в двух уровнях: **общественной психологии** как менее рефлексивной и рационализированной сфере (чувства, переживания, паттерны поведения, менталитет) и **идеологии** как более рефлексивной и рационализированной сфере (понятия, концепции, теории, учения) – в современном обществе институализированы. Это означает, что все они сложились в большой мере стихийно, исторически-естественным путем, «органически» и представляют из себя не некие отдельные сферы человеческой деятельности, а особую социальную целостность. Вспомним, что целостность – это способность сложной системы иметь такие свойства, которых не имеет ни один отдельно взятый ее элемент или подсистема.

Свойством адекватно отражать социальную реальность как раз и обладает общественное сознание как целое, в то время как отдельные его формы и уровни таким свойством в полной мере не обладают. Воспроизводство такой целостности и есть действительная жизнь социальной системы, стремящейся к развитию. Можно утверждать, что определенное равновесие между всеми этими формами общественного сознания для социальной системы желательно, поскольку оно коррелирует с такими характеристиками социальной системы, как надежность,

стабильность, динамичность, содержательность, целедостижение и др. Социальная реальность как будто нуждается в целостности и стремится к ней.

Напротив, переко́с (гипертрофия или нивелировка) тех или иных форм общественного сознания коррелируют с такими характеристиками социальной системы, как нестабильность, застой, внутренняя слабость, малая эффективность в достижении целей. Социальные системы и даже целые цивилизации с переко́сом в сторону отдельных форм и уровней общественного сознания оказывались рано или поздно не в состоянии решить вызовы времени и уходили с исторической арены.

Конечно, процесс отражения социальной реальности в формах общественного сознания, не является прямым и простым; общественное сознание – это не зеркало, в котором механически отражается социальная реальность в ее адекватном виде. Как для общественного сознания в целом, как и для его отдельных форм и уровней (общественной психологии и идеологии) характерны заблуждения, ошибки, даже ложь. Процесс еще более усложняется, если мы возьмем во внимание также и явления взаимовлияния, интерференции, коэволюции форм общественного сознания, которые имеют место. Надо также иметь в виду, что этот процесс, конечно, не полностью стихийен, а отчасти управляем, что в истории легко проследить. Все это делает процесс отражения социальной реальности в формах общественного сознания очень сложным и противоречивым. Но бесспорно и другое: *общественное сознание в целом как динамичная система форм и уровней в их взаимосвязи, всегда органически **стремилась** к адекватному пониманию и объяснению социальной реальности, то есть к **истине**.* Жизнь, то есть практика, постоянно вносила свои коррективы в это понимание и объяснение, да и сама социальная реальность менялась, а поэтому вчерашнее понимание морально устаревало и на смену ему приходило другое, которое, в свою очередь, опять корректировалось жизнью (практикой) и самим общественным сознанием. Это был органичный процесс, в котором все

формы и уровни общественного сознания, порой противореча друг другу, диалектически отрицали друг друга и тем самым выполняли свои системные функции. А вся система в целом выполняла свою главную функцию – адекватного отражения социальной реальности.

Так было до середины XX-го века, то есть до НТР, одним из результатов которой стала технологизация многих социальных процессов. Считается, что во многом такой технологизации способствовало соединение техники пропаганды, получившей широкое распространение в XX веке, с техническими достижениями в области СМИ. В результате, можно сегодня говорить наряду с материальным производством о «духовном производстве» [1]. Это в первую очередь относится к обществам с высокой степенью институализации социальной реальности, то есть к современным обществам с развитой экономикой. Духовное производство – это *производство сознания в его общественной форме, то есть в формах общественного сознания*. И на выходе этого процесса может быть получена разная продукция, то есть разные по формам и силе типы религиозного, морального, правового, философского, научного, художественного и политического сознания.

При этом, с одной стороны, в процессе духовного производства объективно все больше проявляются черты управляемости и признаки сознательного управления, а с другой стороны, опять-таки вполне объективно, то есть исторически закономерно, появляется иллюзия, что социальная реальность абсолютно управляема или, по крайней мере, может быть такой, ее такой можно сделать. И на такую иллюзию сегодня, по разным объективным и субъективным причинам, которые сегодня исследуются специалистами, существует вполне внятный политический заказ.

В рамках этого политического заказа в общественном сознании формируется две тенденции. С одной стороны, в общественное сознание внедряются всевозможные теории «элит» и конспирологические доктрины, с помощью которых пытаются доказать, что носителями истины, истинного знания в сегодняшней социальной реальности, а, следовательно, и

носителями власти, являются какие-то отдельные особые субъекты. Доказательство их избранности, исключительности при этом может опираться на различные, часто взаимоисключающие, основания, как светские, так и религиозные. В качестве таких избранных элит, владеющих истиной и властью, называются ТНК, спецслужбы, «истинные мусульмане», отдельные нации, несущие свет будущего, тайное мировое правительство (типа «комитета 300»), евреи и др. Вывод в этих доктринах один: если все управляется теми, кто обладает истиной, то большинству простых граждан остается только положиться на элиту – им виднее. Все равно сделают по-своему. Весьма характерно, что на стене главного вестибюля старого здания ЦРУ выгравировано изречение из Евангелия от Иоанна: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». (Евангелие от Иоанна. 8, 32).

С другой стороны, формируется особое общество, получившее уже название «общества потребления», и особое сознание этого общества – *массовое сознание*. Мировоззренческой матрицей для массового сознания является особый тип мировоззрения – обыденное мировоззрение. Для обыденного мировоззрения характерна опора на личный опыт и здравый смысл; все, что выходит за пределы личного опыта и здравого смысла, для обыденного мировоззрения не понятно, не нужно и внушает тревогу. И поэтому лучшей философской доктриной для обыденного мировоззрения и массового сознания является философия прагматизма, согласно которой истина есть то, что полезно для нас, а то, что не приносит пользы, либо ложно, либо излишне.

Эти тенденции прагматического выхолащивания коснулись сегодня всех форм общественного сознания. С точки зрения личного опыта и здравого смысла **мораль** кем-то выдумана и является помехой для человека, стремящегося к свободе. Так, подросток думает, что ее выдумали взрослые, чтобы ограничить его свободу поиска и эксперимента. Безобразие в храме, устроенное девочками из «группы» с неприличным названием, это вовсе не социальный протест, как это пытается представить муж одной из них, а яркая

демонстрация обыденного сознания, для которого совершенно не понятен тот факт, что мораль – это форма общественного сознания и существует объективно. Поэтому чувства верующих для него – пустое понятие, так же как и вера.

В праве массовое сознание видит только права, но абсолютно не видит обязанностей. В словосочетании «права человека» обыватель видит только первое слово «права», а второго слова «человека» просто не замечает. Между тем даже христианские гуманисты эпохи Возрождения были в этом отношении выше, утверждая, что каждый отдельный человеческий индивид – человек только потенциально; сущность-то человека божественна, но реализует ли он эту свою сущность – от него зависит. На то Бог и дал ему кроме разума волю и свободу выбора.

Выхолащивание **религии** на Западе было замечено исследователями уже давно. Достаточно почитать книгу Бодрийера «Америка». Но и в сегодняшней России священники жалуются: число верующих растет, а число воцерковленных нет. Религия в России – мода. В этом отношении даже блаженный Августин был ближе к истине, в его «Исповеди» говорит совесть христианина, и он себя не жалеет, раскаиваясь в своей языческой молодости. А с другой стороны, религия откровения, требующая кропотливой работы прежде всего над собой, на мусульманском востоке все больше наполняется политическим контекстом и сужается до рамок акта самопожертвования смертника. Нечего и говорить, что от смертника требуется именно обыденное мировоззрение, основанное на личном опыте и здравом смысле и далекое от коллективного опыта, зафиксированного во всех формах общественного сознания, в том числе далекое и от самого Корана. Такого человека легко убедить, что стоит ему нажать на кнопку взрывного устройства, и уже завтра в той жизни его ждут в качестве награды семнадцать девственниц. Тойнби прямо прогнозирует глобальную религиозную войну и столкновение цивилизаций, и иногда кажется, что мир

развивается по его сценарию. Участниками религиозных войн могут быть только цивилизации с перекошенными социальными системами.

Сегодня средствами массовой информации формируется убеждение, что **наука** – это «территория заблуждений». Размывается понятие объективной реальности, вместо которого все чаще приходится слышать о наличии разных реальностей, а деление реальности на объективную и субъективную устарело. При этом заявляется, что все эти разные реальности равнозначны. В общественное сознание внедряется понятие виртуальной реальности как реальности сетевой и обосновывается ее ведущая роль в современном обществе. «Третья волна» Тойнби – не единственная книга с таким прогнозом, приведем в пример нашумевшую книгу «Империя» Хардта и Негри. С другой стороны, в обыденном сознании формируется необоснованные требования к науке: от нее требуют быть копилкой готовой мудрости, незыблемых истин. Между тем, как истина, как это блестяще показала сегодня профессор М.Л.Лезгина, это процесс познания.

Все чаще приходится слышать, что **философия** – это не область знания о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, которая легла в основу научной методологии, а простой бесконечный спор разных философов, обмен мнениями. Философия на наших глазах перестает быть полем драматических мировоззренческих битв и противоречивым процессом имманентного развития и превращается в литературу, чтиво, беллетристику.

Художественное сознание (искусство). Процесс развития и морфология искусства в целом и каждого его жанра в отдельности всегда был предметом пристального анализа искусствоведов и эстетов. Во множестве жанров, форм, течений и школ в искусстве, казалось бы, должен торжествовать принцип «О вкусах не спорят», ибо свобода творчества именно в искусстве наиболее выражена и ценна. Но при все при том наличие методологических (а методология имеет прямое отношение к истине) оснований делало возможным, во-первых, прослеживать эстетам и искусствоведам какие-то тенденции, а во-вторых, иметь какие-то критерии в оценке художественных

ценностей. И в ряду этих ценностей реализм был далеко не последней; он всегда подспудно светил, позволяя отслеживать и оценивать, в том числе и положительно, какие угодно течения и «завихрения» в искусстве. В рамках системы координат, где реализм был одной из осей, приобретали смысл и значение и «черный квадрат» Малевича, и шизофреническая живопись Дали. Все они имели названия в этой системе координат. Сегодня искусство отказывается от всякой системы координат вовсе. Все равнозначно, и между живописью Репина и смятой пивной банкой нет разницы. Потому в качестве высших достижений современного искусства нам навязываются инсталляции и перформансы. Не буду еще раз повторять яркое художественное определение этим перлам, данное Никитой Сергеевичем Михалковым.

На **политическом сознании** мы остановимся особо, поскольку именно политическое сознание как форма общественного сознания дает нам яркую картину современности, атрибутом которой, по меткому выражению проф. М.Л.Лезгиной, становится манипуляция.

Манипуляция – такой вид воздействия субъекта на объект, для которого характерны: 1) особая, искусная техника воздействия и 2) латентность истинных целей воздействия, которые чаще всего маскируются под ложные цели, декларируемые открыто. Именно манипуляция позволяет использовать «втихую» других людей как средство для достижения своих целей.

Проблема манипуляции не нова, однако ее актуальность со временем не снижается а, напротив, растет. Одна из причин такого роста, несомненно, тот современный политический контекст, в котором тема манипуляции приобретает особую остроту и важность. Нестабильность современного «глобализирующегося» мира, как бы к ней не относиться – как к атрибуту современности или как к результату чьей-то целенаправленной политики – тесно связана с кризисом легитимности политических элит. Дихотомия же в решении проблемы легитимности элит, имеющая в политической истории давнюю традицию, напрямую связана, как и любой мировоззренческий вопрос, с сознанием.

Суть этой дихотомии выражена в главном вопросе политической истории: *Народ, нация (не путать с национальностью!) – это субъект, творящий историю, или это средство достижения узкогрупповых целей для других исторических субъектов – харизматических лидеров, политических классов и партий, ТНК, родовых или экономических кланов, пассионарных групп и др.?*

Манипуляция в политике начинается уже, как говорится, «с порога», а именно – с перефразирования этой главной проблемы, которая в новой, манипулятивной форме выглядит так: *Кто является субъектом истории: народ (нация) или элита как лучшая часть народа (нации), обладающая реальными или мнимыми признаками исключительности (помазанничество, харизма, собственность, креативность, пассионарность и т.д. и т.п.)?*

В логике это называется «риторический вопрос», то есть такой вопрос, ответ на который скрыт уже в самом вопросе. Если элита – это лучшая часть нации, то ясно, что именно она и является субъектом истории. Зачем же в решении важнейших вопросов (а исторические вопросы – это важнейшие для нации вопросы) полагаться на худшую часть общества? Элита лучше знает, что надо народу, то есть его «худшей» части, не принадлежащей к элите.

Эта проблема хорошо отражена в диалоге Андрея Рублева с Феофаном Греком. Последний спрашивает у Рублева: «Нет, ты скажи: темен народ или не темен?». «Да, темен...», - вынужден признать Андрей Рублев и добавляет: «Только кто виноват в этом?». Но потому и мучается Андрей Рублев, что не хочет признать принцип исключительности элиты, а признать за народом признак субъектности не может. Ведь что же это за субъект истории, который не имеет своей воли и которого кто-то держит в темноте? Потому единственное решение этой проблемы в то время (начало XV века) могло быть только в религиозной форме. Помните, когда на него снизошел свет истины и почувствовал себя морально готовым к росписи храма? Когда он проникся принципом *любви*. Радостный, он ходит по подготовленному к росписи храму и цитирует первое послание апостола Павла к коринфянам:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» [4].

Принцип любви в послании Павла – это ведь отказ от манипулятивной, риторической постановки проблемы легитимности власти и возврат к правильной ее постановке. Напомним, правильная постановка проблемы легитимности власти – не «Кто субъект истории – народ или элита?», а «Что есть народ – субъект истории или средство, материал для достижения своих узкогрупповых целей?».

Манипуляция является атрибутом социальной реальности, и главная стратегема современной манипуляции – формирование обыденного мировоззрения как фундамента массового сознания общества потребления. Но как можно существовать в такой социальной реальности? Только в противостоянии манипуляции. Главная стратегема противостояния манипуляции сегодня – наполнение реальным содержанием всех форм общественного сознания: морали, права, науки, религии, искусства, философии, политики – как на уровне общественной психологии, так и на уровне идеологии. Для обеспечения этой стратегемы необходимо противостоять выхолащиванию всех этих форм. Для чего задача постоянного выявления связи всех этих форм общественного сознания с социальной реальностью должна стать определяющей.

Но в том то и дело, что массовое сознание и обыденное мировоззрение не в состоянии этого сделать, поскольку для того, чтобы выявить связь сознания с социальной реальностью, необходимо **понимать**, что такое социальная реальность. Понимать предмет, который перед тобою, это значит понять его сущность, то есть отделить существенное от несущественного. А это – сложная интеллектуальная работа. Особенно если речь идет о таком предмете, как человек и общество.

Не случайно сегодня так активно внедряются различные сетевые формы коммуникации; более того, утверждается и доказывается, что за сетевой коммуникацией будущее, но главное – утверждается и доказывается, что социальная реальность – это и есть эти самые социальные сети, виртуальное общение.

Закончу свое выступление примером из нашей близкой сферы – образования. В рамках так называемой реформы образования одним из направлений объявлена модернизация. Дальше происходит прямая манипуляция – подмена понятий. Под модернизацией понимается...компьютеризация. (Пример с Беньковичем). Исходя из такого узкого понимания модернизации министерство сегодня требует от всех школ создания своих сайтов и внедрения программ дистанционного управления школьным процессом. При этом ни кого не интересует ни сам реальный педагогический процесс (о чем так ярко всегда писал и говорил незабвенный Вячеслав Борисович Ежеленко), ни связь этого реального процесса с той информацией, которая отражена в виртуальном пространстве. Педагогика тем самым усилиями проектировщиков реформы выхолащивается как профессия, то есть вовсе отрывается от своей сущности и превращается в пресловутые образовательные услуги. Потому что нет педагогики без педагогического общения, то есть без общения «глаза-в-глаза». Но суть манипуляции в истории с модернизацией образования еще не в этом, а в том, что истинные цели ее, как всегда, скрыты: истинная цель сегодняшней реформы образования – распил бюджетных денег малым ограниченным кругом субъектов (чиновников, методистов, компьютерных фирм, программных корпораций). Если не исходить из шизофренической теории заговора и не подозревать реформаторов в том, что они, как когда-то правительство Ельцина, работают на ЦРУ.

Но поскольку процесс выхолащивания всех форм общественного сознания не может продолжаться в России до бесконечности (история и культура наша слишком для этого содержательна и наполнена глубокими

смыслами), то рано или поздно мы вынуждены будем заняться содержательными вопросами, придти к действительному содержанию, к действительной морали, праву, философии, религии, науке, искусству, политике. А в образовании – к действительному содержанию образовательного процесса. Это не значит, что мы откажемся от компьютеров. Мы их-таки внедрим и освоим. Но не как цель, а как средство, одно из средств, при этом едва ли главное, в достижении истинных целей образования – формирования общественного сознания в его целостности и адекватности.

Литература

1. Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., АН СССР, ИФ. 1981.
2. Евангелие от Иоанна. 8.32.
3. Бодрийяр. Америка.
4. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла // <http://rusbible.ru/sinodal/1kor.html>

Опубликовано: Социум. Сознание. Язык. Выпуск четвертый. СПб.: ЛЕМА, 2015. - 143с. Семинар восьмой «Проблема истины в научном познании». С.57-64.